

«Самоуправства» отца

Совещания в областях проходили по накатанному сценарию, без неожиданностей. В Горьком же разразился скандал. Не скандал – скандальчик. При других обстоятельствах, скорее всего, вообще никто бы не обратил на происшедшее никакого внимания. Сейчас же, после состоявшегося 22 и 27 марта непростого обсуждения экономической реформы, казалось бы, закончившегося полной победой отца, неудовлетворенность его противников, недовольство отцом бродило и только ожидало повода, чтобы прорваться наружу. 8 апреля в Горьком отец такой повод им представил.

Так что же там произошло такого, о чем заговорила «вся» Москва?

8 апреля 1957 года в городе Горьком на совещании по вопросам сельского хозяйства отец до начала выступления принялся отвечать на вопросы и записки из зала, так же, как он это делал и в Краснодаре, и в Ростове, и в Воронеже. Кто-то поинтересовался: «Созовут ли Всесоюзный съезд колхозников?»

– Мы обменивались мнениями в ЦК и правительстве, считаем, что съезд созвать следует, но сначала давайте поднимем колхозную экономику, – ответил отец.

Присутствовавшие в зале зааплодировали.

– Как оценивать работу колхоза? По надоям молока с коровы или в расчете на 100 гектаров пашни? – спросил председатель колхоза «Искра» Павел Михайлович Демин.

Вопрос неслучайный. В прошлом году в его колхозе надои на одну корову оказались меньше, чем у соседей в колхозе «Крестьянин». Первое место по области присудили «Крестьянину». Но если считать погектарно, то «Искровцы» опередили «Крестьянина». Павел Михайлович обиделся, решил искать справедливости у отца и не ошибся.

– Отвечаю, – начал отец, – конечно, надой, как и производство других продуктов, следует относить к ста гектарам пашни.

Дальше он стал на цифрах доказывать, почему такая оценка эффективности работы хозяйства предпочтительнее и государству, и самому колхозу. Демин, победно улыбаясь, оглядывался на соседей.

Один из присутствовавших интересовался, не пора ли объединить Горьковскую и Арзамасскую области, тогда границы совнархоза и области совпадут, тут и управлять легче, и бюрократия сократится. Вопрос возник не спонтанно, его уже задавал отцу секретарь Горьковского обкома Николай Григорьевич Игнатов, привел логические аргументы за объединение.

– Интересно, кто написал эту записку, горьковчане или арзамасцы? – поинтересовался отец.

– Арзамасцы, – дружно отозвался зал.

– Товарищи арзамасцы, как считаете, полезно такое объединение? – обратился отец к залу.

– Полезно, – вновь прогремело из зала.

– А горьковчане, как считают? – уточнял отец.

– Полезно, – откликнулись горьковчане.

– Видимо, мысль о слиянии этих двух областей созрела, и она правильна, – подвел отец итог импровизированного опроса и перешел к более важным делам.

Объединение и разъединение областей – дело в государственной жизни незначительное и рутинное. И губернии, а позже – области в России кроили и перекраивали постоянно. В январе 1954 года Арзамасскую область выделили из Горьковской, теперь возвращали обратно.

Однако Молотов возмутился, как это отец посмел предложить такое решение и, более того, объявить о нем всенародно до официального вердикта Президиума ЦК. Он потребовал специального разбирательства. Отец попытался отмахнуться, дело-то выведенного яйца не стоит, да и не объявлял он ничего, сказал только, что «видимо, вопрос созрел». Но Молотов и слушать не желал. Арзамасская область стала предметом бурного объяснения в Президиуме ЦК и тем самым вошла в историю. Конечно, не сама она интересовала Молотова, просто он не смог сдержать эмоций.

В Горьком произошел еще один казус. Отец заявил, что хорошо бы, начиная с 1958 года, прекратить распространение государственных займов среди населения, снять с людей оброк ежегодной добровольно-принудительной выплаты государству одной-двух, а то и более месячных зарплат. И тут он приводил подробные выкладки: за прошедшие годы государство, занимая ежегодно по 30–35 миллиардов, задолжало населению 260 миллиардов рублей. После смерти Сталина, в 1953 и 1954 годах, руководство страны попыталось урезать эту сумму вдвое, но Министерство финансов встало на дыбы. В результате, в 1955 году сумму займа вновь повысили до 32 миллиардов, а в 1956 до 34 миллиардов рублей.

(Одновременно росли и выплаты по займам: в 1957 году – 16 миллиардов, в 1958 году выплаты поднялись до 18 миллиардов, а к 1967 году до 25 миллиардов рублей.)

Если раньше займами финансировали развитие народного хозяйства, то теперь они постепенно теряли смысл, в один карман государство кладет деньги от займов, а из другого кармана такую же сумму возвращает.

– Руководство страны неоднократно обсуждало, что делать с займами, – продолжал отец, – мы склоняемся к мысли занять в этом году последние 12 миллиардов рублей и отказаться от них.

Одновременно с прекращением заимствования отец считал разумным заморозить на двадцать – двадцать пять лет выплаты по займам. Людей перестанут подписываться на новые займы, но и деньги от погашения предыдущих займов и выигрыши они тоже недополучат – другими словами, население останется при своих. «Мы решение еще не приняли, хотели

посоветоваться с рабочими, колхозниками и интеллигенцией, – говорил отец. – Если они поддержат, тогда можно принять соответствующее постановление».

В принципе об отказе от займов, по предложению отца, договорились на Президиуме ЦК еще 19 марта, тогда поручили Министерству финансов уточнить детали. Затем, перед принятием окончательного решения, члены руководства страны должны были выступить на заводах с разъяснениями. 4 апреля 1957 года в отсутствие отца, он в тот день находился в Воронеже, на Президиуме ЦК еще раз обсудили предложенный Минфином документ, главным образом размер заключительного займа: 9 или 12 миллиардов. Решили еще поработать.

Отец же, не дожидаясь окончательной редакции документа, позволил себе в Горьком «посоветоваться» с народом, сначала на митинге в «Красном Сормове», потом на автозаводе и вот теперь на совещании аграриев. Казалось бы, не бог весть какие прегрешения, но Молотов, прочитав в газете выступление Хрущева, просто неистовствовал: «Хрущев не имел права говорить о займе без санкции Президиума ЦК». Каганович, Маленков, Сабуров промолчали. 19 апреля 1957 года приняли решение о последнем займе в этом году, как и предлагал Минфин, установили его в размере 12 миллиардов рублей. На этом ставили точку – займы, как и выплаты по ним, замораживались на двадцать лет, до 1977 года.

Народ, рабочие, колхозники, интеллигенция еще долго «поминали отца недобрым словом». Подписываться на займы, естественно, никому не хотелось, но пусть бы их отменили, а продолжали исправно выплачивать выигрыши и погашения по займам прошлых лет. Иначе – это грабеж. Баланс заимствований и выплат, расчеты отца ни на кого никакого впечатления не произвели. В памяти у всех осталось: государство очередной раз обмануло людей, отказалось возвращать долги.